

ПЁТР ВАСЮКОВ

ДЕМБЕЛЬ
НЕИЗБЕЖЕН!

АРМЕЙСКИЕ БЫЛИ

О СЛУЖБЕ С ЮМОРОМ И БЕЗ ПРИКРАС

Петр Павлович Васюков
Дембель неизбежен!
Армейские были. О службе
с юмором и без прикрас

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69600490

*П. П. Васюков. Дембель неизбежен! Армейские были. О службе с юмором и без прикрас: Книжный мир; Москва; 2023
ISBN 978-5-6050306-0-7*

Аннотация

Русский, советский, российский военный юмор, вещь достаточно самобытная и уникальная! Недаром, в настоящее время, так популярны произведения Александра Покровского, Юрия Корткова, Андрея Константинова, Константина Закутаева. В современной русской военной прозе, повествование о ратном труде идет рука об руку с искрометным юмором! Именно военный юмор помогает преодолеть тяготы и лишения военной службы, потери друзей и однополчан в современных военных конфликтах, позволяет оставаться человеком!

Наверняка, читатель слышал поговорку – «Кто в армии служил, тот в цирке не смеётся!» Чтобы оценить её смысл, нужно послужить год, два, десять, двадцать, тридцать лет! Автор отдал службе в Вооруженных силах тридцать календарных

лет. Его военная судьба была типичной для тысяч таких же военных на сломе двух эпох в конце XX века. Книга призвана заинтересовать, прежде всего, тонкими наблюдениями за особенностями службы в различных гарнизонах, видах вооруженных сил и родах войск. Причем наблюдения представлены в виде юмористических зарисовок, былей об армии. Особенно ценным представляется воспоминания, наблюдения, связанные со встречами с интересными людьми. Митрополит Питирим, маршалы Язов и Кутахов, генералы Махов, Беспалов, Безбородов – они и другие герои армейских былей предстанут перед читателями в необычном свете. Некоторые сюжеты были подсмотрены или пережиты лично, другие подсказаны товарищами. Так был составлен это собрание былей, то есть рассказов, которые могли случиться с каждым из нас.

Содержание

Предисловие	6
История в лицах	9
Приобщение к Богу (О Митрополите Питириме)	9
Как стать генерал-лейтенантом в армии? (О наркоме Ковалёве И. В.)	21
Кое-что о любви к танкам (Маршал Язов Д. Т.)	27
Бесстрашный оптимист (Маршал Язов Д. Т.)	36
Коротко о погоде (Главный маршал авиации Кутахов П. С.)	41
Памятный заплыв (Генерал армии Лизичев А. Д.)	45
Начальник – кладезь мудрости (Начальники академий)	49
Как становились политработниками (Генерал Степанов Ф. С.)	59
Об очковтирательстве в армии (Генерал Махов Е. Н.)	67
Мингечаур (Генерал Беспалов В. В.)	73
«Служба – два года, боеготовность – всегда!» (Генерал Безбородов Н. М.)	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Пётр Васюков
Дембель неизбежен!
Армейские были. О службе
с юмором и без прикрас

© Васюков П. П., 2023

© Книжный мир, 2023

© ИП Лобанова О. В., 2023

* * *

Предисловие

Возможно, читатель слышал не особо популярную, но не лишённую смысла поговорку – «Кто в армии служил, тот в цирке не смеётся». Чтобы оценить её смысл, нужно предположить, во-первых, что мнения об армии всегда будут разниться: кто служил, кто не служил, и какой был порядок там или его не было вообще – всё зависит от конкретной ситуации и субъективного мнения о ней. Во-вторых, на каждый роток не накинешь платок, и поэтому к любым высказываниям об армии нужно подходить осторожно. В-третьих, о службе в армии столько написано – и героического, и трагического, и с юмором, и без него, – что всякие попытки внести что-то новое в этом деле могут вызывать здоровый скептицизм.

Автор берёт на себя смелость дополнить рассказ о советской и российской армии собственными наблюдениями и повествованиями своих коллег, с которыми ему пришлось общаться на протяжении тридцатилетнего срока службы. Причём, этот срок вместил в себя службу в советской (23 года) и российской (7 лет) армии. И этот срок может быть поделен на равные трети – годы учебы, годы службы и годы преподавания в военной академии. Таким образом, в сборник включены рассказы об армейской службе, охватывающие период второй половины двадцатого века. Причем, рассказы эти представляют собой зарисовки «непричесанной»

действительности, в которой мы жили в то время. Здесь и та идеологическая составляющая с её положительными и отрицательными моментами, и неудобные или некогда запрещённые темы, раскрытие которых могло «нанести вред престижу и авторитету вооруженных сил в целом». Главное отличие от распространения ложных, неточных или искаженных сведений о воинской службе состоит в том, что представляемые «Были» являются правдивым изложением событий 40–50-летней давности, написанном в доброжелательном и юмористическом ключе их свидетелями или участниками.

Определение происхождения слова «быль» от слова «быть» указывает на достоверность описываемых событий. По структуре и содержанию сборник представляет собой рассказы о конкретных исторических личностях и рядовых гражданах, с кем автору приходилось по жизни общаться, служить или работать. Ряд рассказов составляют цикл тем, объединенных их главным героем – Валькой, Вальком или Валентином Константиновичем. Отдельные рассказы являются воспоминаниями бывших полковников и генерал-лейтенантов о забавных ситуациях, случавшихся в их жизни. Практика партийного строительства и борьба за чистоту морального облика строителя коммунизма, издержки административно-командной системы и другие проблемы прошлого, о которых сегодня можно вспоминать лишь с улыбкой – всё это может быть интересным с точки зрения понимания прошедшей эпохи.

Зарисовки из жизни советских мотострелков и танкистов, связистов и инженеров, моряков и лётчиков, представителей других родов войск дают представление о жизни армии и флота, как единого сплоченного и отлаженного механизма, в котором иногда случались какие-то отклонения, что-то давало сбой и требовало определённой коррекции. Темы, связанные с организацией боевой подготовки или особенностями той или иной службы – всё это читатель может найти здесь! Вернее, не всё, а лишь часть того, что удалось подметить, запомнить, сохранить и описать литературным языком. С юмором и без прикрас – вот, пожалуй, главные слова, которые отражают содержание этой книги.

Возможно, некоторые читатели найдут в представляемом сборнике сюжеты, близкие их биографии. В этом нет ничего удивительного. Ведь не зря говорится, что, если встретятся два офицера и в процессе общения не вспомнят ни одного общего знакомого, то кто-то из них – шпион. Возможно, что здесь вы найдете и оригинальные истории. И в этом тоже есть своя закономерность: через сотни и тысячи судеб складывалась наша общая история.

Армейские были – это о всех нас, мой дорогой друг!

История в лицах

Приобщение к Богу (О Митрополите Питириме)

*Блажен муж, который не ходит на совет
нечестивых и не стоят на пути грешных и не сидит
в собрании развратителей
(Псалом 1: 1)*

В мировой истории религия всегда была тесно связана с воспитанием, это обусловлено её огромным влиянием на развитие общества, на мировоззрение, культуру и нравственность человека. И деятельность офицеров-воспитателей в армии (как бы они не назывались – политруками, замполитами, психологами) также направлялась на достижение тех же целей. Но в Советской армии в силу запретов и идеологических ограничений было не принято развивать связи с церковью. Наоборот, поощрялись соревнование и борьба за души воинов. В 1990-х годах уже становится модным открытое обращение к Богу и поиск новых форм сотрудничества с церковью и со священнослужителями.

В 1994 году автору этих строк пришлось выступить организатором серии встреч Митрополита Волоколамского и

Юрьевского Питирима (1926–2003) (в миру – Константина Владимировича Нечаева) с личным составом Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева. По рекомендации своего старшего товарища генерала Александра Касьянова я прибыл на Погодинскую улицу, в Издательский отдел Московского Патриархата, который с 1963 года возглавлял Владыко. Я был тепло принят Питиримом, имел несколько бесед и сопровождал его в дальнейших поездках.

Будучи православным, но далеко не воцерковлённым ¹ человеком, я хотел найти ответы на многие волновавшие меня тогда вопросы. И я их находил в процессе общения с этим интересным человеком. Можно сказать, мне повезло, что на моём жизненном пути – пусть на короткий миг – встретился такой светлый, глубоко верующий, интеллигентный священник.

От Владыки я узнал некоторые факты его богатой биографии. А она включала в себя и духовную, и преподавательскую, и дипломатическую, и издательскую деятельность. Много внимания уделял Питирим патриотическому воспитанию и укреплению морального духа нашей армии и флота. Его искренне уважали и любили люди в погонах. Тонко и деликатно он находил грани соприкосновения православной духовности с внутренним миром воинов, своим жизненным

---

¹ Воцерковленный человек – это тот, который взаимодействует с Богом через Церковь. Такие люди каждый день после работы заходят в храм, ставят свечу и молятся. Они могут не исповедоваться, не причащаться и даже не подозревать о такой возможности.

примером показывая, как надо отстаивать идеалы защиты Отечества. «Митрополитом в погонах» он стал называться в некоторых средствах массовой информации. И было за что!

Каждую осень он выезжал на волоколамский рубеж обороны 1941 года, чтобы отслужить молебен по павшим воинам. Охотно выступал перед солдатами и офицерами, открывал памятники и мемориалы. Совместно с австрийским меценатом русского происхождения Эдуардом Фальц-Фейном неоднократно выступал организатором переходов современных суворовцев через Альпы по маршруту войск генералиссимуса Суворова 200-летней давности. Кстати, говоря об истоках советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны, он сказал: «Народ наш был не только с партбилетом в кармане, но и с тайной молитвой, вложенной в партбилет».

Митрополит Питирим был священником, богословом, философом, политиком (хотя политика, в узком смысле этого слова, его не интересовала), креативным фотографом и даже поэтом. Его внучатая племянница Ксения Олафссон приводит стихи молодого Константина Нечаева, которые не могут не волновать любого знатока русской природы и русской поэзии:

В паутине безлиственных крон,
В фиолетовых дымчатых красках
Лес лелеет предутренний сон
Про метельные зимние сказки.

Даль синее зубчатой стеной,
Как боец пред решающим шагом.
Всё вокруг налилось тишиной:
Затаилось, задумалось, встало.
Только миг – и взорвется покой,
И затопит безбрежная зелень
Этот тонкий простор голубой
И девичью тонкость деревьев.
Так и жизнь: краток миг чистоты,
Ожиданья, терпений, волнений.
Подойдет воплощенье мечты
И затопит волною сомнений.

Интеллект Питирима и его высокие духовные и нравственные качества притягивали к нему тысячи прихожан, людей верующих и неверующих. Естественно, его успехи у многих церковников и коллег вызывали зависть и негативную реакцию на всё, что делалось Питиримом. К этому добавлялось и то, что он имел свою особую позицию по многим вопросам богословия. В 1971 году владыка Питирим был возведен в сан архиепископа. В этом же году он принимал участие в деяниях Поместного собора, который признал церковную реформу XVII века «трагической ошибкой» и официально отменил все проклятия и анафемы по отношению к старому русскому обряду. Позже он скажет:

– Да, у нас было двоеперстие, мы приняли троеперстие. Но в 1971 году на Соборе Русской Православной Церкви мо-

лодая часть наших богословов провела постановление о равной возможности употребления и того и другого.

24 января 2002 года в итальянском городе Ассизи под руководством римского понтифика состоялось «совместное моление за мир», в котором участвовали 300 представителей 12 различных религий. От лица Московской патриархии и по поручению Патриарха Алексия II в этом ежегодном мероприятии принимала участие целая делегация из трех архиереев во главе с митрополитом Питиримом. Выступая по каналу РТР в программе «Вести», Владыка заявил, что он глубоко удовлетворен тем «духом единства и братской любви», который ему удалось ощутить во время такой совместной молитвы.

На имя Алексия II полетели гневные телеграммы: «С ужасом и возмущением мы восприняли новость о том, что официальный представитель Московской Патриархии участвовал в шабаше под руководством Папы Римского. Митрополит Питирим не только не скрывает своего участия в этом беззаконии, но даже публично восхваляет совместную молитву с инославными и иноверцами...»

А ещё в 1989–1991 годах Владыко избирался от Советского фонда культуры народным депутатом Верховного Совета СССР. В эти годы на Погодинскую приезжали известные политики и интеллектуалы. Конечно, общественная деятельность митрополита, частота его упоминаний в СМИ, популярность среди советской и постсоветской элиты вызывали в

церковной среде плохо скрываемую ревность. Его называли «красным архиереем», обвиняли в сотрудничестве с КГБ, в чрезмерной «светскости». Немало потрудился на ниве очернительства депутат Государственной думы 1-го созыва отец Глеб Якунин ². Об отношении к нему я и спросил Владыку. На что митрополит, улыбаясь и поглаживая бороду, заметил:

– Ну, что я могу сказать про расстригу? Тем более, о своём студенте, которого отчислял из духовного учебного заведения. Пустое... Мы свои кадры знаем.

– Не могу не задать Вам, Владыко, вопрос об отце Александре Мене ³. Сегодня о нём так много говорят, как о пророке, страдальце и жертве режима.

Ответ митрополита поразил меня своею деликатностью. Вообще, он никому не давал резко отрицательных оценок. Всегда находил меру согласных, примирительных определений. И в этом случае было сказано примерно следующее:

– Отец Александр Мень был глубоким, думающим человеком. Талантливый проповедник слова Божьего, богослов со сложившимися взглядами. Но... православного в нём бы-

---

² *Глеб Павлович Якунин* (1934–2014) – советский и российский религиозный, общественный и политический деятель, диссидент, член московской Хельсинкской группы, народный депутат России (1990–1993), Государственной думы I созыва (с 1993-го по 1995 г.). После лишения сана в Русской православной церкви, которое он не признал, содействовал созданию в России независимой церковной структуры.

³ *Александр Владимирович Мень* (1935–1990) – протоиерей Русской православной церкви, богослов, автор книг по богословию, истории христианства и других религий, основам христианского вероучения, православному богослужению.

ло мало. Царствие ему небесное!

Владыко выступил перед переполненным залом в клубе академии и ответил на ряд вопросов (о внутренней и внешней политике российского правительства, о позиции РПЦ⁴ в отношении западных миссионеров, заполнивших эфир всех центральных каналов ТВ и др.). Мне запомнились достаточно смелые и такие ёмкие фразы-характеристики:

«Я знаю, от чего погибнет Россия. Она погибнет от дилетантов. Поэтому ваша задача остаётся прежней: учиться военному делу настоящим образом!»

«Выключайте телевизор, если вам что-то не нравится. А счетчики и специалисты подсчитают все эти рейтинги и отреагируют правильно».

«Друзья, дорожите жизнью и задумайтесь над тем, что я вам сейчас скажу: после нас – нас не будет. Так любите, цените и уважайте, и жалейте друг друга в этой жизни, а в той жизни Бог воздаст каждому по заслугам».

После своего выступления митрополит вручил начальнику академии Библию в красивом переплёте. А начальник организовал небольшой фуршет в честь гостя. Здесь выпили немного коньяку. Уже в машине разговор продолжился об его отношении к алкоголю.

– После перехода в Альпах через мост, названный богу негодным словом, барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн подарил мне несколько ящичков водки «Суворов». –

---

⁴ РПЦ – Русская православная церковь.

Владыко озорно вскинул густые брови. – Напряжённые будни служения Господу Богу не позволяют мне увлекаться горячительными напитками, да и здоровье уже не очень крепкое, но своего товарища обидеть не могу. Поэтому вечерами иногда позволяю себе немного сибаритствовать.

Здесь же в машине я рассказал Владыке о встрече с космонавтом номер два – Германом Степановичем Титовым, ныне, к сожалению, тоже уже покойным. В то время он был командующим воздушно-космическими войсками, но согласился выступить в коллективе кафедры, в котором я в то время был адъюнктом. Я осмелился задать ему два вопроса: женщина и космос и его отношение к данной проблеме, и об его отношении к богу. На первый вопрос последовал ответ, который вызвал у присутствующих улыбки. Смысл состоял в том, что «нечего там им делать». А ответ на второй вопрос меня тронул своей откровенностью.

Да, космонавты летают в космос, но никаких загадочных явлений, связанных с ангелами и божествами, естественно, они не встречали. Всё объяснимо с точки зрения физики и химии. «Я знаю, что мы смертны, – сказал Космонавт-2, – что всех нас ждут тлен и забвение. Но мне не хочется думать, что мои чувства, знания, эмоции и переживания, всё, что мы называем душой, бесследно исчезнет. Нам не дано ещё понять и осознать существование параллельных миров, присутствующих рядом с нами. И переход в эти миры, что собственно и представляет наша смерть, для нас так и оста-

ётся тайной», – примерно так сказал Герман Степанович.

Митрополит, внимательно выслушав мой рассказ, заметил:

– Я неоднократно встречался с Германом Степановичем и ценю его духовный и ратный подвиг. Быть вторым – это всегда испытание и бореие со многими искушениями. И он с достоинством пронёс свой крест. И к Богу у каждого своя дорога. Космонавт Титов, думаю, нашел свою дорогу и обрёл бессмертие!

После той встречи осталось ощущение светлой грусти об интересном человеке и его идее, которая заставляет надеяться, что ничего не исчезает и не проходит зря. Так случилось, что с митрополитом Питиримом мне встретиться больше не довелось. Я узнавал лишь о мероприятиях и событиях, связанных с его именем, из средств массовой информации.

В 1994 году, через несколько месяцев после нашей встречи, издательский отдел Московского Патриархата был расформирован – Архиерейский Собор счел его «исполнившим свое первоначальное предназначение». С 1963-го по 1994 год владыка Питирим был председателем издательского отдела, главным редактором «Журнала Московской патриархии» и председателем редакционной коллегии сборника «Богословские труды» (оба издания в советские годы были единственными легальными органами церковной мысли). На страницах этих изданий ему удалось опубликовать писания отцов Церкви, богословские сочинения протоиерея Сер-

гия Булгакова, священника Павла Флоренского и некоторых других авторов.

Вместо него были созданы две новые структуры. Это решение, конечно, было принято именно для того, чтобы сместить митрополита Питирима. Отчасти, оно было оправдано – владыка, по сути, не принял избрания Патриарха Алексия II, в «Журнале Московской Патриархии» почти не публиковались материалы о деятельности Предстоятеля и даже официальные церковные документы. Долго так продолжаться, понятно, не могло. Уникальный коллектив был почти полностью разогнан, а самому митрополиту ничего не предложили – он остался «титularным» викарием Московской епархии. Думаю, что переживания и оставленность ускорили его кончину. Когда обнаружилась болезнь, и он прожил с ней какое-то время, Владыка сказал, что онкология – это особый путь к Богу. «Это дорога избранных», – так он сказал. И эти слова можно расценить как слова поддержки и утешения для миллионов онкобольных.

В последний год своей жизни митрополит Питирим сподобился быть свидетелем схождения Благодатного огня в храме Гроба Господня в Иерусалиме. Из Святой Земли он прилетел в Москву, где прямо в аэропорту Внуково совершил молебен и раздал лампады с Благодатным огнем. Здесь он неожиданно узнал, что именно ему выпала честь возглавить пасхальную службу в храме Христа Спасителя 27 апреля 2003 года вместо заболевшего первоиерарха. Поистине,

это был достойный апофеоз в жизни человека, вся жизнь которого проходила так, как будто была вписана в православный месяцеслов.

Вскоре владыка Питирим перенес хирургическую операцию, но, несмотря на это, принял участие в летних торжествах, которые проходили в Сарове и Дивееве в связи со 100-летием прославления преподобного Серафима Саровского. После возвращения в Москву болезнь его вновь обострилась, и в течение многих недель он находился в Центральном военном госпитале. Патриарх Алексей II приехал к нему попрощаться 12 октября. Сожалея, что не может литургисать в храме, митрополит Питирим сказал Святейшему: «Я живу от праздника до праздника...» Праздника, увы, уже не случилось! Скончался митрополит Питирим 4 ноября 2003 года, в день празднования Казанской иконы Божией Матери, на 78-м году жизни, примирившись со всеми, включая Патриарха Алексия II.

16 мая 2021 года в Волоколамске открыли памятник митрополиту Питириму. Монумент установлен Российским военно-историческим обществом к 95-й годовщине со дня его рождения. Таким образом замкнулся круг: русское воинство воздало должное своему «митрополиту в погонах». Потому что он был примером того, каким должен быть настоящий гражданин: полным достоинства, веры, смирения и любви. Этот человек явился светлым лучом среди своих современников, в числе которых был и я. Сейчас, когда Владыки

нет с нами, мы чувствуем его молитвы и сами молимся о его блаженном упокоении.

Как стать генерал-лейтенантом в армии? (О наркоме Ковалёве И. В.)

Услышав этот вопрос, служивший в армии человек поймет, а не служивший догадается, что нужно где-то учиться, долго служить, пройти все должности от командира взвода до командира корпуса, по крайней мере. И они в своих предположениях будут правы. Но тот, кто учился в начале 80-х годов в Академии генерального штаба или Военно-политической академии имени В. И. Ленина, могли слышать оригинальную историю из уст живого участника описываемых событий.

Всё дело в том, что в этих военных вузах, где-то в штатной должности, а где по договору или по приглашению преподавал генерал-лейтенант Ковалёв Иван Владимирович ⁵. Был он личностью героической уже потому, что всю войну вынес на себе работу всей системы военных сообщений. Эвакуация войск и оборонной промышленности в первые тяжелые месяцы войны, обеспечение подготовки и проведения всех наступательных стратегических операций Красной Армии, перемещение тысячи воинских эшелонов, миллионов

---

⁵ *Иван Владимирович Ковалёв* (1901–1993) – советский военный и государственный деятель. Нарком (Министр) путей сообщения (1944–1948). Генерал-лейтенант технических войск (1943). Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва (1946–1950).

тонн грузов – всё это составляло круг его задач и непосредственных обязанностей. Был он начальником ВОСО ⁶, заместителем наркома путей сообщения, а с 1944-го по 1948 гг. и наркомом (министром) путей сообщения СССР. И в ходе Великой Отечественной войны не было недели, когда бы он не был в Кремле на докладе у Верховного Главнокомандующего и ежедневно был готов по телефону выдать любую справку о перемещении войск и грузов товарищу Сталину. Такой ритм работы накладывал на плечи Ивана Владимировича огромную ответственность и закалил его характер. Он даже участвовал в работе Потсдамской конференции летом 1945 года, когда решалась судьба послевоенной Германии.

В академиях он читал обзорные лекции о работе тыла, органов ВОСО в годы войны. Материал ему был знаком не понаслышке, он проявлял творчество, много экспериментировал и часто отвлекался на второстепенные темы. И как-то, в ходе лекции, после паузы, он обратился к аудитории с вопросом: «А вы знаете, как я стал генерал-лейтенантом Советской армии?.. Ну, ладно, расскажу. Я был генерал-лейтенантом технических войск с 1943 года. Но это был другой мир – НКПС ⁷: свой порядок, традиции, своя форма, свои

---

⁶ Органы военных сообщений (Органы ВОСО) являлись полномочными представителями Наркомата (Министерства) обороны СССР на железнодорожном, морском, речном и воздушном транспорте. Они предназначены для организации воинских перевозок, разработки предложений по подготовке путей сообщения в интересах Вооружённых Сил.

⁷ Народный комиссариат путей сообщения.

знаки отличия». И он поведал слушателям свою историю.

После войны его любимая и единственная дочь решила выйти замуж. И Иван Владимирович, как любящий и заботливый отец, захотел, чтобы это событие запомнилось молодоженам и их гостям на всю жизнь. Было заказано несколько спальных вагонов, четыре вагона-ресторана, закуплены продукты и напитки. Тщательно был спланирован маршрут от Москвы до Владивостока с остановками в памятных местах, с песнями, плясками. Там были и Волга, и Енисей, и озеро Байкал. Был спланирован личный отпуск, и свадьба таким образом удалась на славу: съездили, прокатились по всему Союзу, повеселились, поплясали в самых достопримечательных местах.

Отгуляв отпуск, Иван Владимирович прибыл на службу и вскоре был вызван в Кремль. Его помощники быстро подготовили доклад о положении дел в отрасли народного хозяйства, были составлены справки и графики, но никакого доклада по работе делать не пришлось. Сталин, который всегда к нему относился доброжелательно, встретил его в этот раз очень сухо.

– Это правда, товарищ Ковалёв, что вы так любите свою дочь, что организовали ей свадьбу с выездом во Владивосток и обратно? – Сталин подошел вплотную к Ивану Владимировичу и строго взглянул в глаза.

– Так точно, товарищ Сталин, – четко доложил он. – У меня одна дочь, и я решил сделать ей приятный подарок.

– И как это получилось?

– Докладываю: денежное содержание сталинского наркома позволило мне оплатить все затраты на проезд поезда по маршруту Москва-Владивосток и обратно. Сюда были включены оплата работы бригад железнодорожников, стоимость продуктов питания и напитков, работа поваров и официантов. Счета и квитанции имеются, могу представить, хоть сейчас.

Сталин молча прошелся по кабинету, потом вновь остановился напротив Ковалёва и в задумчивости, как бы размышляя, сказал:

– Хорошо. С правовой и экономической точек зрения ваш доклад можно считать обоснованным. А как вы думаете, с моральной точки зрения, сможете ли вы руководить своими подчиненными после такого мероприятия?

– С моральной точки зрения допущен перебор, товарищ Сталин! – опять четко выложил нарком. – Понимаю, что допустил нескромность.

– Ну, а раз понимаете, то эту должность вам следует оставить. На пенсию вам ещё рано, вы молоды, но у вас богатый опыт руководящей работы. В каком воинском звании вы хотели бы продолжить службу в войсках?

Иван Владимирович мгновенно оценил обстановку. Должность наркома (министра) путей сообщения могла приравниваться к маршалскому званию. Но на фоне маршалов победы Жукова, Конева, Рокоссовского и других разговор

об этом звании с его стороны вновь выглядел бы нескромно. На фоне разжалованных и арестованных в первые послевоенные годы бывших маршалов и опальных генералов (Кулика, Гордова, Новикова и др.) его проступок никак не мог рассматриваться как государственное преступление. Выходило что-то среднее.

– Готов послужить в рядах вооруженных сил в звании генерал-лейтенанта, товарищ Сталин!

– Ну, шейте форму, товарищ Ковалёв! А должность мы для вас подыщем, – сказал Сталин, и на этом беседа была закончена.

Иван Владимирович стоял перед аудиторией и широко улыбался: «Вот таким образом я оказался среди вас, товарищи военные. Погуляли, что называется... Правда, непосредственно в армию тоже пришлось прийти не сразу: пришлось побывать советником в Китае, соприкоснуться с угольком в Донбассе. А потом уж к вам».

Рассказ этот можно назвать историей со счастливым концом, учитывая обстановку того времени. Но есть истории, связанные с присвоением звания генерал-лейтенанта, и совсем нелепые. Так в воспоминаниях ⁸ маршала Советского Союза Еременко приводится случай, когда в боевой обстановке в реляции на присвоение звания генерал-майора командиру дивизии кадровики обратили внимание лишь на подпись командира корпуса, генерал-лейтенанта, и полков-

---

⁸ См.: Ерёменко, А. И. На западном направлении. – М.: Воениздат, 1959. – 300 с.

нику было присвоено звание генерал-лейтенант, на ступень выше. Все понимали такую оплошность, но идти к Верховному Главнокомандующему изменять приказ никто не стал.

Но это уже другая история и с биографией Ивана Владимировича Ковалёва она никак не связана.

Кое-что о любви к танкам

(Маршал Язов Д. Т.)

Назвать себя танкистом у автора этих строк язык никогда бы не повернулся. В танковом училище он не учился, в танковых войсках не служил, но к танкам, всё-таки, отношение имел определённое. Во-первых, учась в академии, имел по танковой подготовке отличную оценку. Причём, это был первый экзамен в первую зимнюю сессию, и его высокий результат явно удивил настоящих танкистов, которые учились с ним в группе. Во-вторых, там же в академии в ходе зимних и летних лагерей, проводимых в подмосковной Кубинке, для всех слушателей общевойскового факультета всегда организовывались вождение и стрельба из танков. Так что, основы обращения с этой грозной техникой были им усвоены. Но только основы...

Эти первичные навыки были однажды проверены в ходе инспекторской проверки, проводимой под руководством маршала Москаленко. Тогда при выполнении контрольного упражнения механик-водитель Мироненко предложил замполиту полка свою помощь, то есть самому за своего начальника сесть за рычаги и управлять машиной. Замполит от такой замены отказался и выполнил упражнение самостоятельно на «хорошо». Помимо оценки, ему приятно было слышать реплику, брошенную кем-то за его спиной: «А зам-

полит-то у нас летающий». Было в этой фразе сравнение с авиацией, где все должности командного состава полков были обязательно связаны с летной практикой. В тот момент замполит полка был счастлив и благодарен программе академии, которая позволяла ему выполнять обязанности более-менее достойно.

Несчастья, связанные с танками, случились позже. О них напомнила неожиданная встреча у подмосковного мемориала. Как-то автор поехал вместе со своей семьёй, с друзьями и родственниками в Новоиерусалимский монастырь в Истре. Они осмотрели реставрируемый храм, прикоснулись к раке с мощами патриарха Тихона, который оспаривал в своё время первенство во власти с самим царём Алексеем Михайловичем. Поприсутствовали на купании людей на морозе в Иордани, небольшой незамерзающей речке у стен монастыря.

Одухотворённые и просветлённые от соприкосновения со святыми местами, и гордые от осознания того, что день так содержательно складывался, путники ещё остановились в поселке Снегири, у мемориала защитникам Москвы. Здесь находится музей, архитектурный ансамбль, посвященный сибирякам дивизии генерала Белобородова. Здесь же рядом с солдатскими захоронениями находится и могила полководца. На открытой площадке, у размещенной техники – танков и артиллерийских орудий советской армии и армий союзников – начали фотографироваться. Процесс шел спонтанно: кто с кем и на фоне чего – никак не регулировался до тех

пор, пока к их группе не подошла незнакомая девушка и не сказала:

– Зря вы здесь время и кадры тратите. Вон там, у памятника, стоит живой участник войны – маршал Язов.

И все дружно прекратили съёмки и подошли мемориалу сибирякам, где находился Язов. Автор вспомнил, как, по окончании академии, он впервые попал в Алма-Ате на заседание военного совета. Тогда появление командующего войсками округа вызвало у него удивление и оторопь. А ещё какой-то непонятный страх: не снится ли ему всё это. Командующий тогда подошел к трибуне и небрежно, как всё понимающим друзьям, бросил в аудиторию: «Фридрих Энгельс в работе “Анти-Дюринг” говорил...» Автор не помнил, что говорил Дмитрий Тимофеевич Язов, Фридрих Энгельс и Дюринг, но он вспомнил то недоумение, которое его охватило тогда – «неужели это не Москва? И неужели я не на лекции по марксистско-ленинской философии? И неужели все полководцы ныне такие грамотные?»

Теперь Дмитрий Тимофеевич Язов был в гражданской одежде. К этому времени он уже побывал в должности министра обороны СССР, пережил попытку спасения страны с помощью ГКЧП⁹. Был под следствием, позже неубедитель-

---

⁹ Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) – самопровозглашённый орган власти в СССР, существовавший с 18-го по 21 августа 1991 года. Членами ГКЧП являлись: *Янаев Геннадий Иванович* (1937–2010) – вице-президент СССР; *Бакланов Олег Дмитриевич* (1932–2021) – первый заместитель председателя Совета обороны СССР; *Крючков Владимир Алек-*

но говорил о своей роли в этой затее. И всё-таки, несмотря на пережитое, был он бодр, статен и уверенным в себе.

Автор подошел к маршалу и представился:

– Товарищ Маршал Советского Союза! Разрешите представиться: полковник Васюков. Служил под вашими знаменами в Среднеазиатском военном округе, в 68-й мотострелковой дивизии.

– А... это вы там танк взорвали? – Маршал всё помнил. Только не стал уточнять, в каком полку это произошло.

Автор тоже не стал оправдываться, принял всё на свой счет, хотя он помнил, что происшествие с танком случилось в соседнем полку. А было это в ясный летний день. Перед обеденным перерывом во время обслуживания техники в одном танке загорелась промасленная ветошь с краской. Находившийся неподалёку сержант не растерялся, запрыгнул в танк и выгнал его в поле за пределы парка. Он успел вовремя покинуть танк до того момента, когда начал рваться боекомплект снарядов. Башню от внутренних взрывов сорвало в сторону, снаряды разлетались по округе, но никто не пострадал. Автор вспомнил, что он в это время застыл с лож-

---

сандрович (1924–2007) – председатель КГБ СССР; Павлов Валентин Сергеевич (1937–2003) – премьер-министр СССР; Пуго Борис Карлович (1937–1991) – министр внутренних дел СССР; Стародубцев Василий Александрович (1931–2011) – председатель Крестьянского союза СССР; Тизяков Александр Иванович (1926–2019) – президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР; Язов Дмитрий Тимофеевич (1924–2020) – министр обороны СССР.

кой над столом, тупо соображая, «по ком звонят колокола». Быстро пообедал и убыл в свой полк. Там всё шло обычным чередом, личный состав выстраивался для приема пищи и никак не реагировал на далёкие разрывы.

– Помню, прилетаю на вертолёте к вам в Сары-Озек. А Бижан¹⁰ стоит, губы трясутся, – Язов пренебрежительно скривил лицо. – Я ему говорю: Иван, главное – люди целы! А железяку спишем. Сержанта надо представить к награде или к суду военного трибунала, если по его вине произошло возгорание.

Так маршал Язов подробно восстановил картину двадцатипятилетней давности.

– А теперь к Бижану на кривой козе не подъедешь. Начальник генерального штаба армии независимой Украины, генерал-полковник. Тьфу, ты, господи прости!

– Товарищ маршал, разрешите с вами сфотографироваться. Мы ведь если не однополчане, то Озеки – точно! – предложил автор.

– Что ж давайте. Я рад встречи с земляками по службе... Унылый, проблемный гарнизон был... Я это помню, – заключил Язов, и его обступили со всех сторон желающие запечатлеть себя рядом с прославленным военачальником.

В связи со взорванным танком автору вспомнилась ещё одна история, связанная непосредственно с ним и также с

---

¹⁰ *Бижан Иван Васильевич* – командир 68-й дивизии, в последующем – генерал-лейтенант Советской армии и генерал-полковник армии Украины.

выведенным из строя танком. И было это тоже недалеко от Сары-Озека, под Талды-Курганом. (Вот она биография и география Родины! Всё через черточку!) Его полк стоял в поле и по весенней распутице должен был выдвигаться в сторону станции погрузки и следовать железнодорожным транспортом на полигон. Чтобы сэкономить горючее и время на объезд труднопроходимого участка, решили обратиться к командиру соседнего танкового полка Петрову с просьбой выделить танк в качестве тягача.

Дело было накануне 8-го марта, и командира соседнего полка замполит со своим командиром нашли на квартире, за праздничным столом. Отмечали чей-то день рождения, но гости всё равно поздравили присутствующих здесь женщин с наступающим праздником и были усажены за стол. В процессе общения был оговорен порядок выделения в их распоряжение танка.

– Я назначу старшим к экипажу танка толкового офицера, а вы в свою очередь постарайтесь обеспечить меры безопасности, – примерно так было сказано Николаем Васильевичем Петровым.

Наутро танковый экипаж в составе механика-водителя, командира танка и старшего над ними целого майора был в расположении полка. И сразу же приступили к буксировке техники по грязи по самому короткому маршруту. Как и планировалось ранее. Для майора-танкиста несколько поездок по грязи хватило, чтобы понять, что дело предстояло скуч-

ное, рутинное, монотонное, на весь день, что механик-водитель освоил маршрут, и сам прекрасно справляется со своей задачей. Тем более, здесь майор встретил бывших сослуживцев по предыдущей службе, с которыми давно не виделся. И с которыми можно было обсудить массу тем. Короче, говоря протокольным языком, самоустранился от выполнения поставленной задачи.

Замполит полка после обеда возвращался из города, где совершал последние закупки необходимых товаров, которые должны были пригодиться в предстоящей командировке. Подъехав на автомобиле «Газ-66» к мостику через ручей, он прикидывал в уме, как ему удастся проехать по разбитой дороге, по этой грязи, до полевого лагеря. Сразу за мостом стояла гусеничная машина его полка. Вокруг неё сутились его подчиненные, а у работающей турбины сушил свою одежду незнакомый ему боец.

– Лейтенант Бедрин, а что здесь делает этот раздетый солдат? – спросил он командира взвода.

– Это сушит одежду механик-водитель танка, который в качестве тягача целый день таскал нашу технику, – доложил лейтенант.

– А где танк? Я его не вижу.

– Танк утонул.

– Как утонул? – опешил замполит, и рой мыслей пронесся в его голове, и главная среди них была о честном слове, данном командиру полка Николаю Васильевичу, и заверениях в

обеспечении всех мер безопасности.

– А где старший? Где майор? – это уже относилось к механику-водителю.

– Не знаю, товарищ майор! Мой майор после обеда со мной не ездил.

– А как ты умудрился утопить танк? Здесь в степи, в этом ручье, который наши солдаты легко перепрыгивают?

– Я тоже думал, что здесь мелко и решил помыть немного танк в конце дня. Но у моста оказалась большая промоина. Я только въехал в ручей и танк быстро нырнул в воду. Я еле-еле успел выскочить из люка, – доложил солдат.

Замполиту полка внезапно стало жаль незнакомого солдата. Добросовестный парнишка, любит свою технику, болеет за дело. А где этот толковый старший? И знают ли в полку о том, что утоплен танк? Убедившись со слов танкиста, что, кроме него, в танке никого не осталось, замполит на своей машине по бездорожью, как мог, добрался до лагеря. Там царила благодушная обстановка и о небоевой потере никто ещё не знал. Был найден прикомандированный майор, оказавшийся далеко не толковым, а немного под хмельком. Был неприятный разговор по телефону с Петровым Николаем Васильевичем. И были спешные сборы перед погрузкой. Доклада в вышестоящий штаб о происшествии не производилось. «Танк ведь не наш!» Теперь это стало головной болью нашего товарища, который, выручая нас, принял самостоятельное решение.

Наутро, проезжая в колонне через мост, замполит приказал своему водителю съехать на обочину. У моста собралась необычная группа людей: помимо военных, из дивизии и танкового полка, непривычно было видеть водолазов в цветных ярких костюмах. Они весело переговаривались и шутили, переодеваясь перед погружением. Похоже, они впервые оказались в такой ситуации. Одно дело – озера Балхаш, Зайсан, Капчагайское водохранилище! А тут, в горно-пустынной местности, им предстояло нырять в этот мутный разлившейся ручей.

«Откуда они взялись в этой казахской степи, у этого так неудачно разлившегося ручья, и что скажет сейчас зампотех дивизии подполковник Герасимов, идущий навстречу? Подлежит ли восстановлению подмоченный танк?» – такие вопросы на фоне встающего из-за гор солнца, под рёв проезжающей техники своего полка роились в голове замполита и автора этих строк.

Ответа на них не было.

И ещё он подумал: нет, танки – не его призвание.

Бесстрашный оптимист (Маршал Язов Д. Т.)

В 68-й мотострелковой дивизии, дислоцированной в Среднеазиатском военном округе (САВО), служил заместителем командира дивизии полковник Загний. Был он родом откуда-то с Украины. Память не сохранила его имя и отчество, да и не принято было в то время величать начальство по-цивильному. Чай, не военно-морской флот!

Но память сохранила забавные истории, произошедшие с участием полковника Загния. Сейчас уже трудно представить, но можно объяснить, что двигало им в то заидеологизированное время, когда он допускал определённые вольности в общении с сослуживцами. То ли в ожидании перевода в другой округ поближе к дому, то ли перед увольнением в запас, то ли по жизни был он всегда острым на язык, отчаянным человеком, не считавшимся с авторитетами – но полковник Загний в любой обстановке самый серьёзный вопрос мог представить в весёлом и философском цвете. Есть несколько примеров, которым я был свидетелем или слышал о них от непосредственных участников событий.

История первая. На парадной площадке Алма-Атинского гарнизона идет смотр техники перед парадом в честь 67-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Смотр проводит командующий войсками САВО гене-

рал-полковник Д. Т. Язов, будущий министр обороны СССР. Он в сопровождении группы офицеров обходит колонну выстроенной техники. Технику представляет командир полка нашей дивизии подполковник Н. Н. Воробьев.

Осмотрев свежавыкрашенную технику, командующий подводит итог:

– Воробьев! Наконец-то, ты научился лопаты красить. – Это он о шанцевом инструменте, пристегнутом на броне. – Всё, как я учил: черенок зелёный, штык черный. Всё по делу.

– Так точно! Разрешите остаться, товарищ командующий? – спрашивает командир полка.

– Оставайся, работай! – И командующий продолжил совершать обход.

Следом за свитой командующего подходит группа офицеров во главе с заместителем командующего по вооружению генералом Яценко.

– Воробьев! Какой дурак учил тебя так лопаты красить? – повышает голос зам командующего.

Командир полка, находящийся ещё под впечатлением похвалы командующего, мнетя, не зная, что ответить, и старается подобрать соответствующие объяснения.

– Я ведь до каждой отдельной части разослал альбомы, где в цветах и красках, и черным по белому написано: черенок должен быть зелёным, штык лопаты черный. Но штык должен быть заточен. Заточен! А у тебя что? Сплошной цвет. – Генерал Яценко нервно тычет рукою в лопату, пристёгнутую

на броню БТРа.

– Виноват, товарищ генерал. Разрешите остаться? – в очередной раз спрашивает разрешения командир полка.

Полковник Загний стоит в окружении группы молодых офицеров, которые стали свидетелями противоречивой оценки действий командира полка со стороны вышестоящего начальства. Молодые офицеры недоумевают, улыбаются, но ждут комментариев от замкомдива. Тот поднимает вверх руку, делает какие-то замысловатые движения ладонью в воздухе и говорит:

– Товарищи офицеры! Армия – это такой гибкий механизм...

И мгновенно всем становится всё понятно и просто, и здоровый смех молодых людей раздаётся среди грозной техники.

История вторая. Старший лейтенант Величкин был грамотным, дисциплинированным офицером, но без особого лоска и огонька. Низкорослый, коренастый холостяк, он ничем не выделялся в офицерском коллективе, с подчиненными был излишне мягок и дело своё делал без особой инициативы. О таких часто говорят – «ни рыба, ни мясо».

И был он на взводе уже восемь лет. За это время его сверстники, однокашники по училищу продвинулись вперёд, командовали ротами и батальонами, а Величкин добросовестно «лежал» на должности, ходил в наряды и вечерами уходил со службы в офицерское общежитие. Там он тоже

ничем не отличался: ни в пьяных посиделках, ни в художественной самодеятельности, ни в карточной игре замечен не был.

И вот как-то представилась ему возможность пожаловаться заму командира дивизии на своё нерадостное положение. Полковник Загний, зная немного его историю, попробовал подбодрить Величкина. Но как? Методом сравнения:

– Как вам не стыдно, товарищ старший лейтенант! – на полном серьёзе Загний стал воспитывать подчиненного. – Вы вот жалуетесь, что восемь лет в должности командира взвода служите. А того не знаете, что Главком Военно-морского флота Адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков уже 27 лет занимает свою должность и не жалуется, и не плачется. А вы каких-то восемь лет пережить не можете. Стыдитесь, товарищ старший лейтенант, и идите устранять недостатки. Их у вас, наверняка, хватает!

– Так то же флот... – жалобно пробормотал Величкин.

– Вот-вот, флот! На флоте, кстати, ещё недавно, уже при советской власти, моряки срочной службы тянули лямку семь лет. Так что, не вижу повода для пессимизма. – И полковник Загний спокойно удалился в штаб дивизии.

Ну, и, наконец, перед самым отъездом Загния на его глазах какой-то капитан получил взбучку от непосредственного начальника. Разговор шел о выполнении какой-то сложной задачи, как всегда не обеспеченной ни материально, ни организационно. Желая как-то успокоить и приободрить капи-

тана, полковник подошел к нему.

– Ты коммунист? – участливо спросил Загний.

– Так точно, товарищ полковник, – удручённо отрапортовал капитан.

– Вот и мучайся! Ничего другого не могу посоветовать, – ласково похлопал по плечу капитана заместитель командира дивизии.

Для того времени такие шутки выглядели достаточно смело. Если не сказать более строго. Но полковник Загний убывал из гарнизона, оставляя остающихся мучиться здесь летом без воды, зимою – без тепла. И со смутной надеждой, что всё в этом мире когда-то заканчивается. И служба в отдалённых гарнизонах будет заменяемой.

Коротко о погоде (Главный маршал авиации Кутахов П. С.)

В то осеннее ноябрьское утро с погодой сразу не заладилось, и на Кубинском аэродроме надеялись, что Главком отменит прилёт сюда из командировки по гарнизонам ВВС. Но они плохо знали главного маршала авиации Павла Степановича Кутахова ¹¹. Того лётчика, который не боялся ничего и никого в войну, вряд ли испугает ненастье. Вернее, они знали некоторые страницы его героической биографии, но не все.

Только в советско-финской войне он совершил 131 боевой вылет на истребителе И-16. Однажды, в декабре 1939 года, самолет Кутахова был подбит и сел на нейтральной полосе. В течение двух ночей летчик вместе с инженером полка и техником звена разбирали самолет на части, а в третью ночь волоком доставили истребитель на свой аэродром. В ходе Великой Отечественной войны летчик Кутахов совершил ещё 367 боевых вылетов на истребителях И-16, ЛаГГ-3 и Р-39 «Аэрокобра», провел 79 воздушных боев, сбил 14 самолетов противника лично и 28 – в составе группы. Таких высоких успехов в боях ему удалось достигнуть благодаря постоянно-

---

¹¹ Павел Степанович Кутахов (1914–1984) – советский военачальник, Главный маршал авиации (1972), дважды Герой Советского Союза, главнокомандующий ВВС СССР (1969–1984).

му совершенствованию техники пилотирования, маневра и применения оружия. Он всегда был в поиске. За время летной работы П. С. Кутахов освоил около 30 типов самолетов, из них 7 реактивных, в том числе МиГ-21 и его модификации, Су-7б, Як-28. Сам летал до 60-летнего возраста. Только в этих цифрах и фактах можно усмотреть бойцовский характер своего начальника.

Подчинённые уже были наслышаны о крутом нраве Главкома. Они знали, что за ним ещё с войны сохранился грешок: в порыве гнева хватал оппонента за грудки и популярно с помощью какой-то матери и увесистого кулака объяснял, как надо родине служить. Его друзья-фронтовики говорили: «Да, Кутахов – он мог и послать, и даже в морду дать, если что. Но за дело он болел всей душой, боец он был настоящий, себя не жалел, умел руководить полком».

И вот сегодня, несмотря на прогнозы синоптиков и традиционное «посадка – на решение командира корабля», борт Главкома приземлялся на аэродром. Видно, государственные дела не позволяли задерживаться где-то в глубинке. К моменту приземления самолёта щеточно-продувочные машины прошли по ВПП ¹², но боковой ветер грозил неприятностями. Командир отдельного батальона аэродромно-технического обеспечения (ОБАТО) майор Расщупкин, с красным, проспиртованным, обветренным, в глубоких морщинах, лицом нервно курил сигарету «Прима» без фильтра.

---

¹² Взлётно-посадочная полоса.

Спутный след – это завихрения воздуха, созданные крылом и двигателями самолёта, – нанёс при посадке прямо под самолёт листья деревьев и даже мелкие сучья.

Главный маршал авиации медленно сходит по трапу, хозйским глазом оглядывая взлётно-посадочную полосу. У трапа Главкома встречает командир 234-го гвардейского истребительного авиационного полка подполковник Чиж.

– Товарищ главный маршал авиации! – начинает докладывать командир.

– Вы почему ВПП загадили, товарищ подполковник? – Кутахов прерывает доклад. – Кто отвечает за ВПП? Где командир ОБАТО?

Майор Расщупкин, в замасленном комбинезоне, в сбитой набор фуражке подбегает к Главкому:

– Майор Расщупкин, товарищ главный маршал авиации!

Кутахов презрительно посмотрел на майора, обернулся в сторону мусора и вновь к майору:

– Тебе сколько лет, майор?

– Сорок шесть, товарищ главный маршал авиации!

– Уволить! – Главком резко бросил команду командиру полка и собрался уже идти к машине.

– Ты что, охренел? – сорвалось с губ майора Расщупкина.

Все генералы, полковники и другие офицеры замерли от такой фразы. И от неожиданности не могли представить реакцию своего главного начальника.

Кутахов повернулся всем корпусом к Расщупкину. Сме-

рил того взглядом с головы до ног и сказал командиру полка:

– Пусть служит! Видно, что ему уже ничего не страшно.

Офицеры полка весело пожимали руки и поздравляли майора Расщупкина, а он стоял, растерянно соображая, что всё-таки здесь только что произошло.

Памятный заплыв (Генерал армии Лизичев А. Д.)

Я уже говорил, что в жизни мне везло на встречи с интересными людьми. Люди эти были разные по возрасту, социальному статусу, не говоря уже о национальностях и вероисповедовании. «Медалей мы не считаем!», – как говорил один из безграмотных начальников, отвечая на вопрос о количестве орденов у комсомола.

Люди были разные, и ситуации, в которые нас сводила жизнь, тоже были разные. Но главное, что объединяло всех моих друзей, коллег, сослуживцев – это доброжелательность, житейская мудрость, высокий профессионализм и душевная щедрость. Одной из таких ярких личностей стал для меня генерал Владимир Васильевич Беспалов¹³. Эрудит, неугомонный человек, в 85 лет готовившийся защитить докторскую диссертацию, он всегда куда-то спешил, торопился, опаздывал. На вопрос: «Зачем Вам это надо?» он отвечал: «Я так привык. Если я остановлюсь – я сдохну». Для нас он был просто Дедом. Мудрым, открытым, готовым всегда помочь.

Навсегда запомнился мне случай, рассказанный Владимиром Васильевичем, чуть не стоивший жизни двух людей.

---

¹³ Владимир Васильевич Беспалов (1927–2017) – генерал-лейтенант, кандидат исторических наук, профессор. Начальник Донецкого ВВПУ (1976–1986), начальник политотдела ВИА им. В. В. Куйбышева (1986–1989).

Речь пойдет о нём и Алексее Дмитриевиче Лизичеве ¹⁴.

До того драматического случая по службе они тесно никогда не пересекались. Беспалов знал, что военно-политическая карьера Лизичева долгое время была связана с комсомольской работой. Был он помощником начальника ГлавПУРа по комсомольской работе. Потом возглавлял различные политорганы. Встречались на различных конференциях, совещаниях, но близко знакомы не были.

И вот однажды они встретились в черноморском военном санатории, где одновременно отдыхали с семьями. Почти ровесники (Алексей был на год моложе), сорокалетние крепкие мужики, почти в равных должностях при симпатичных боевых подругах они легко сошлись и всё свободное от процедур время проводили вместе. Спортивные игры, дружеские состязания, весёлые застолья, искромётный юмор – кому удавалось попадать в такую бесшабашную курортную атмосферу, тот поймет, как легко сходятся люди, не связанные друг с другом служебными обязательствами. Так было и в этот раз. Алексей был эрудированным, жизнерадостным и тактичным заводилой, душой компании. Владимир старался от него не отставать.

И так получилось, что возник спор о своих возможностях: кто дальше заплывет в море? Пospорили и поплыли.

---

¹⁴ *Алексей Дмитриевич Лизичев* (1928–2006) – политический работник Вооружённых Сил СССР. Начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота (1985–1990). Член ЦК КПСС (1986–1990), генерал армии (1986).

Владимир Васильевич с детства любил плавать. Во время учебы в училище тренировался в стрельбе на воде из положения «автомат над головой» (за счет работы ног). И к такому вызову, как ему казалось, был готов. Так они поплыли в открытое море.

Плыли, перебрасываясь короткими фразами, удалялись от берега. Сколько времени прошло – никто не считал. Но вдруг они обратили внимание, что погода стала портиться: усилился ветер, волны начали швырять их в разные стороны, солнце зашло за горизонт и всё вокруг погрузилось во мрак.

И тут ими овладел страх, который каждый переживал в отдельности. Берега не видно, куда плыть – не понятно. Хотя силенки есть, но становилось понятно, что их надолго не хватит.

– Давай соображать, Алексей, куда нам плыть, – сказал Беспалов, озираясь. Дух состязательности пропал у обоих.

– Володя! Я на гребне очередной волны постараюсь оглядеться вокруг и сориентироваться. А ты имей в виду, что у меня в плавках есть булавка. Если будут сводить судорогой мышцы, можно воспользоваться, – подбодрил его Лизичев.

Он высмотрел во мгле какой-то огонек, указал направление, и они поплыли, бережно расходуя силы. Плыли тяжело, плыли долго. Старались подбадривать друг друга, хотя в голове роились мысли одна другой страшнее. Так потихоньку они догребли до берега.

Выползли, изможденные, на прибрежный песок и долго

лежали в тупом оцепенении. Потом разобрались, что выплыли они в стороне от их лагеря в километрах пяти, и стали пробираться по побережью к своим. Они понимали, что их уже похоронили, но, ругая друг друга за ненужную браваду, успокаивали себя, что всё обошлось и что в итоге они обрадуют своих близких.

Так и получилось. Когда они подошли к лагерю, где совсем недавно все дружно отдыхали, жарили шашлыки и веселились, от бывшего веселья ничего не осталось. Жены, заплаканные, растерянные и как-то вдруг повзрослевшие, если не сказать постаревшие, встретили их со смешанными чувствами. Тут были и любовь, и ненависть, и радость, и злость, и успокоенность, что всё благополучно закончилось.

Больше совместных посиделок и соревнований в оставшееся время отдыха не проводилось.

Они разъехались по местам своей службы. Издалека следили за продвижением друг друга по служебной лестнице. Алексей Дмитриевич достиг самого верха и назвать его Алексеем уже было бы не корректно. Но иногда встречаясь на официальных мероприятиях, приветствуя друг друга, они ощущали тайное родство душ, которое прошло испытание тем злополучным черноморским заплывом.

Начальник – кладезь мудрости (Начальники академий)

За всю свою военную службу на начальников военных академий мне часто приходилось смотреть издалека. Из шеренги парадного расчета, из зала торжественного собрания, посвященного какому-то событию, или, что чаще бывало, на служебных совещаниях. Уж слишком велика была дистанция между нашими должностями. Хотя с несколькими я пересекался по жизни, но больше приходилось общаться с заместителями начальников и даже дружить с некоторыми из них.

С одним интересным начальником Военно-инженерной академии, генералом Упоровым, встретиться мне не пришлось. Мы просто разминулись во времени, но слухи о его чудачествах ещё долго присутствовали при мне в стенах прославленного военно-учебного заведения. Владимир Ефимович Упоров родился в 1921 году в городе Алапаевске. В 1939 году был призван на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. В 1940 году он окончил Московское военно-инженерное училище. Участвовал в боях Великой Отечественной войны в составе инженерных частей на различных фронтах. В составе группы генерала Кирпоноса осенью 1941 года прорывался из окружения под Киевом, был ранен в руку. Впоследствии командовал 79-м отдельным штурмовым

инженерно-сапёрным батальоном. В июле 1944 года Упоров организовывал переправу советских частей через реку, невзирая на опасность для собственной жизни, лично руководил рейсами. За отличие во время этой переправы Упоров был представлен командованием к званию Героя Советского Союза, но вышестоящие инстанции снизили статус награды до ордена Красного Знамени.

Наверное, было в его характере что-то бунтарское, что делало его службу не совсем гладкой, а с вечными борьбой, конфликтами, столкновениями. Ведь не случайно, дослужившись до должности начальника Военно-инженерной академии, он покомандовал ею недолго. И ушел из жизни, не дожив до 60-летия. По отзывам сослуживцев, генерал Упоров внёс большой вклад в расширение социальной базы и учебного фонда академии, но был вынужден уйти в отставку по причине конфликта с рядом генералов и докторов наук. Ещё он запомнился тем, что запретил курение на территории академии повсеместно, даже в курилках. А сам демонстративно ходил по коридорам, пыхтя сигаретой.

Мой старший товарищ Сизов рассказал историю, когда Упоров его напоил в наряде по академии. А дело было так. Сизов заступил в наряд помощником дежурного по академии. Должность хлопотная, но не очень ответственная. Есть старший, кому положено отвечать за организацию всей службы. А помощнику надо «сидеть на телефонах», контролировать уборку территории и ночью один раз проверить

службу караула. В тот вечер, когда дежурные сменились, и новый дежурный стал вникать в тонкости своих суточных обязанностей, в комнату дежурного зашел начальник академии генерал Упоров. Перед отъездом домой он бросил на стол перед дежурным толстую кипу бумаг и сказал небрежно:

– Тебе ночью всё равно не спать, вот и считаешь. Меня попросили дать рецензию на этот труд, а времени читать нет. Займись этим, а утром доложишь мне своё мнение.

Дежурный поднял бумаги, мельком взглянул на заголовок научного труда (а, надо полагать, автор этого опуса считал его именно научным) и четко доложил:

– Не могу выполнить ваше распоряжение, товарищ генерал. Я – топограф, и тема данного исследования никак не связана с моей профессиональной деятельностью.

Упоров сверкнул взглядом на топографа, сгрёб кипу бумаг и швырнул её в сторону помощника. Сизов тоже успел оценить, что тема ему незнакома и даже близко не лежит с его специальностью. Но он был адъюнктом и если бы заявил сейчас, что это тоже не его тема, то услышал бы полный набор характеристик всего профессорско-преподавательского состава академии. И самая корректная из них звучала бы примерно так: «Кого тут набрали? Где настоящие инженеры? А чем здесь вообще занимаются адъюнкты?»

– Надеюсь, ты в отличие от топографа разберёшься, что здесь написано? – спросил генерал.

– Постараюсь, товарищ генерал! – а что оставалось делать

бедному майору.

Всю ночь Сизов добросовестно вычитывал текст представленного материала и старательно выписывал замечания на листы бумаги, лежащие рядом. К утру замечаний набралось предостаточно: на каждый лист текста приходился лист тех или иных правок и замечаний.

Утром начальника академии встречали, в отличие от обычного ритуала, двое – дежурный и помощник. Сизов стоял по стойке смирно с двумя стопками бумаг.

– Вычитал? – первым спросил генерал помощника, удивляясь обилию бумаг. – А почему так много? Впрочем, идём в кабинет, там доложишь.

Войдя в кабинет, начальник академии молча взял бумаги у Сизова, подержал их на вытянутых руках, как бы взвешивая, какая кипа тяжелее. И спросил:

– А, если коротко, ерунда?

– Так точно, товарищ генерал! Ерунда! – у Сизова отлегло от сердца. Тем более, генерал высказал своё мнение не литературным языком, что упростило положение. Адъютант всю ночь придумывал своё заключение, чтобы оно прозвучало более-менее корректно и грамотно. Но этого не потребовалось. Упоров подошел к холодильнику, стоящему в углу кабинета. Достал из него полбутылки коньяку и вылил содержимое в большой гранёный стакан. Сизов подумал, что генерал выпьет и попросит его вынести посуду. Но начальник академии подошел к Сизову и протянул ему наполнен-

ный стакан.

– Пей, заслужил! – ободряюще сказал генерал.

– Так я не могу, товарищ генерал! Я в наряде, – пролепетал помощник дежурного.

– Какой там наряд? Нашел наряд! Пускай топограф дежурит, если он такой грамотный, – а потом, проследив, как Сизов медленно и аккуратно выпил коньяк, по-отечески приобнял Сизова за плечи и сказал: – Ничего до смены дотянешь. Спасибо! Иди, дежурь.

Потом Сизов, уже будучи полковником, часто рассказывал офицерам, как его напоил в наряде начальник академии. И всегда завершал свой рассказ фразой «Вот вам и самодур! А, по-моему, нормальный офицер». И многие с ним соглашались.

Сам лично я познакомился с другим начальником академии на отдыхе. Как-то в санатории, за игрой в преферанс, судьба свела меня с бывшим начальником Военной академии связи имени С. М. Будённого генерал-лейтенантом Степаном Романовичем Лигутой. Он недавно был уволен в запас и после всех хлопотных должностей прибыл в санаторий «Архангельское» отдохнуть, поправить здоровье и просто расслабиться. Случайно образовавшаяся компания знающих, как играть, но давно не игравших преферансистов этому способствовала. Сам Лигута своей степенностью, скромностью располагал к себе окружающих. Играл он аккуратно, особо не рискуя. У меня сложилось впечатление, что

он просто наслаждался общением, не омраченным никакой субординацией. И за картами часто предавался воспоминаниям, передавая нам, более молодым офицерам, свой богатый жизненный опыт. А поучиться у него было чему. Во всяком случае, мне запомнился его рассказ о том, как он воспитал тещу.

По окончанию академии он был направлен на Дальний Восток на должность командира отдельного батальона связи. Было это во время напряженных отношений между СССР и КНР. Противостояние было реальным. Крупные группировки войск были развернуты по обе стороны государственной границы в готовности вступить в смертельный бой. И с той, и с другой стороны войска шли бы под красными знамёнами со звёздами и с пением «Интернационала». Шли бы в бой за мир и социализм, хотя в наших ленинских комнатах в каждой части были оформлены стенды под заголовком «Маоизм – злейший враг мира, социализма и прогресса». С плакатов смотрели широкие лица вооруженных китайских ревизионистов, с концов зубов которых лились ручьи красной крови.

Поэтому батальон Лигуты был развёрнут по штатам военного времени. Изучение обстановки в части и на театре военных действий приходилось осуществлять в процессе организации боевой подготовки. Были встречи с местным руководством, с непосредственными начальниками, налаживались контакты с подчиненными. В общем, проблем хватало, и раньше 21–22 часов командир домой не приходил.

А тут приехала к ним в гости с Украины любимая тёща. Приехала помочь дочери обустроиться на новом месте службы мужа. Такая инициатива была бы одобрена, если бы тёща ограничилась только устройством быта. Но она перезнакомилась со всеми соседями, выучила распорядок работы офицеров части, проследила, кто во сколько возвращается со службы домой. И после этого авторитетно заключила дочке:

– Доня! Он у тебя гуля... (в смысле гуляет, а ещё точнее – изменяет законной жене).

Вечером жена со смехом поведала мужу о предположениях тёщи. Слова её легли на подготовленную почву. Хроническое недосыпание, скрытое сопротивление новому командиру со стороны некоторых замов, постоянные взбучки со стороны начальства, мелочные придирки проверяющих – всё это ну, никак не располагало к адюльтеру. А тут ещё эти глупые догадки! На следующий день к командиру части был вызван командир хоззвода, бойкий и всё знающий прапорщик. Ему были вручены деньги, поставлена задача купить билет на ближайший рейс самолёта и указана квартира, из которой предстояло эвакуировать одну гражданку.

На следующий день к ничего не подозревающим женщинам в квартиру явился прапорщик.

– Гражданка такая-то? У вас ровно полчаса на сборы. Через час двадцать объявляется посадка на самолёт, – строго было доведено до опешившей тёщи.

– Какие полчаса? Какой самолёт? У меня зять тут коман-

диром работает! – занервничала родственница.

– Именно он, командир батальона, мне приказал сопровождать вас до аэропорта. Его приказ не выполнить я не могу.

Перебирая карты, Степан Романович хитро улыбался, когда припоминал эту историю. И после игры подвёл итог:

– И что характерно, я у тётки не один зять был. Так, когда она умирала, всё меня звала, всё ждала своего любимого зятя. Надеялась, что я её спасу или как-то успокою. Так что наука пошла на пользу и до конца своей жизни я у неё был любимчиком.

Бывший заместитель начальника академии генерал-лейтенант Спиридонов, будучи на пенсии и занимая какую-то должность в академии, стал более доступен и демократичен в общении с недавними подчиненными. В его отдельный кабинет можно было заглянуть под конец рабочего дня, чтобы в дружеской беседе подвести итоги прошедшего. Он всегда излучал оптимизм, хотя уже тогда у него обозначились проблемы со здоровьем. На извинительное заявление, что мы без закуски и у нас одно только яблоко он мог громогласно и грамотно поправить:

– Во-первых, этого количества нам хватит на ящик водки. А, во-вторых, главнокомандующий не может быть без резервов. Забываетесь, товарищи офицеры! У меня всё есть.

И это всё нас, молодых полковников, часто выручало. Ему можно было начитать своё выступление на конференции и услышать мудрые замечания. Посоветоваться по какому-то

кадровому вопросу и принять его заключение.

А как он оценивал женщин! Однажды, заметив проходящую мимо красивую женщину, он весело заметил:

– Как бы я её полюбил во второй раз, если бы она дала это сделать в первый...

Но самым оригинальным заместителем начальника академии для меня запомнился Тимошинов Владимир Степанович. Как-то мы одновременно оказались в госпитале имени Вишневского и там же находился Беспалов Владимир Васильевич, бывший начальник политотдела академии. Иногда я наносил визиты генералам, и мы скрашивали вечера игрою в карты. Причём играли мы в самые примитивные «бандитские» игры: очко, сека, бура. Не знаю почему, но они до этого не освоили преферанс, а учиться вновь было уже поздно. Больше всего мне было обидно за Владимира Степановича. Боевой офицер, прошёл Афган, уж, он-то мог освоить премудрости этой игры. С Владимира Васильевича какой спрос? Он, политработник, всю жизнь боролся с разными излишествами, всё укреплял политико-моральное состояние, а вот Тимошинова было жаль. Может, поэтому мне удалось как-то обыграть двух генералов на незначительную сумму, которой хватило сходить в магазин и скрасить всем горечь их поражения и мой случайный выигрыш.

Так вот, Тимошинов преподал офицерам урок соблюдения субординации и такта. Как-то, в коридоре академии, генерала Тимошинова перехватил, что называется, один офи-

цер. Ему было нужно срочно подписать какой-то рапорт. Он забыл или не знал, что в этой жизни нет ничего срочного. Просто иногда одно дело кажется важнее другого. И офицер обратился с просьбой подписать свою бумагу в коридоре учебного корпуса.

Генерал Тимошинов спокойно лег на ковровую дорожку. Взял из рук опешившего майора лист бумаги, наложил на неё правильную резолюцию и поднялся с пола.

– Ну, что, товарищ майор, довольны, что генерала на пол положили? – спросил, отряхиваясь, Владимир Степанович. – А генерал тоже торопится, и у него есть кабинет, и часы приёма по служебным и личным вопросам. Но вы выбрали такой путь. Не делайте так больше никогда. Желаю успехов!

Тот урок, должно быть, офицеру запомнился на всю жизнь. Он стоял, красный, как рак, и не знал, что сказать.

Приводя случаи из жизни начальников, задумываешься над сказанным. Сюжеты взяты из жизни разных людей. Но эти сюжеты и этих людей объединяет здравый смысл, житейская мудрость. Я знаю, и среди генералов случаются дураки, грубияны, самодуры. Но те генералы, с кем приходилось общаться мне или узнавать их биографию, были исключительно порядочными людьми. Людьми, которые накопили большой жизненный опыт, полезный и для всех нас.

Как становились политработниками (Генерал Степанов Ф. С.)

Семидесятилетний юбилей Филиппа Степановича Степанова ¹⁵ пришелся на осень 1993 года. Только что отгремели залпы танковых орудий по зданию Верховного Совета Российской Федерации и Филипп Степанович мог наблюдать из окон своей квартиры, выходящих на набережную Москвыреки, как в новой либеральной России утверждался демократический режим президентской республики. И за столом, где собрались коллеги по академии и прошлой службе, разговоры велись в основном об этом недавнем событии.

Собравшиеся провозглашали тосты и здравицы в честь виновника торжества, а он сидел внутренне напряженный, как бы заново переживая события 3–4 октября. Но в его напряжении выражалось и беспокойство за страну, оказавшуюся в такой сложной обстановке, и за присутствующих товарищей – они, мол, остаются ещё в этой неразберихе, а он, уже поживший, уходящий, ничего не сделал для предотвращения этого беспредела. Он прощался с ними и чувствовал себя немного виноватым. Всегда он брал на себя вину за сделанное и не сделанное, за просчеты и упущения подчинен-

---

¹⁵ *Степанов Филипп Степанович (1923–2007)* – генерал-лейтенант, заместитель начальника Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

ных, всегда задавал себе вопросы, почему так произошло и что можно было сделать, чтобы не допустить случившегося.

Такая была его беспокойная натура! Умудрённый опытом, он по-доброму оглядывал своих товарищей и с губ его слетали обращения: «Братцы!», «Братец!» и особо доверительно – к молодому – «Старик!». Доверительное отношение к младшим по возрасту и званию со стороны заслуженного генерал-лейтенанта, бывшего заместителя начальника академии выглядело вполне естественно и трогательно одновременно.

Когда подошло время говорить тост юбиляру, Филипп Степанович встал, приосанился и, как бы заглядывая через стол в прошлое, начал издали:

– Когда закончилась война, я был молодым, 21-летним, майором, командиром дивизиона. Я был хорошим «стрелкачом». Так на артиллерийском жаргоне могли сказать только о том, кто был отличным мастером огня. Я стрелял с открытых и закрытых огневых позиций, в непогоду и ночью. Мне прочили хорошую командирскую карьеру и на следующий год направляли в артиллерийскую академию. Но я подал рапорт о поступлении в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Этим я удивил многих своих начальников, но сделал это вполне осознанно. Вы спросите, почему? И я отвечу.

За долгие годы войны – а воевал я с 1941 года – я видел разных командиров. Большинство из них были грамотными, искренне болеющими за дело людьми, требовательными и

справедливыми. Но часто встречались и такие, которые по большому счету дискредитировали ту добрую половину положительных офицеров. Я не говорю о пьянках начальников, что часто бывало, не о бытовой распущенности некоторых, что тоже случалось и списывалось на войну. Я говорю о тех командирах, которые в силу своего упрямого характера, откровенной тупости, стремления бездумно выделиться на фоне остальных могли принять необдуманные, не очень умные решения, оборачивающиеся потом трагедиями: излишними жертвами, человеческой кровью, загубленными жизнями молодых бойцов.

Но, с другой стороны, я наблюдал, что если рядом с самодуром, зарвавшимся командиром находился сильный его заместитель по политической части, который мог его заменить в самой сложной обстановке, мог подсказать, возразить, если позволяли обстоятельства, или просто поставить на место своего командира, как коммунист коммуниста, то и дела решались более успешно, малой кровью, без всяких перекосов. Такие замполиты были не везде и не всегда. У меня получалось находить подходы к своим подчиненным, я умел в боевой обстановке спокойно доводить до подчиненных их задачи и особенности выполнения их должностных обязанностей. И мне казалось, что я смогу восполнить отсутствие на фронте настоящих комиссаров, если отучусь в академии и продолжу службу на политработе.

Так я стал политработником. Прошел с некоторыми из вас

долгий путь в войсках. Был на полках, дивизиях, на корпусе и пришел в родную академию уже начальником кафедры. Здесь же стал заместителем начальника академии. Оценивая текущие события в стране, я нахожу, что у нашего руководителя, хотя он сам всю жизнь был на партийной работе, не было толкового заместителя по политической части. В смысле – того, кто мог бы вовремя поставить его на правильный путь. Я говорю о Борисе Николаевиче. Потому, что вижу, что его личные амбиции ни к чему хорошему не приведут.

Прошло много лет и слова Филиппа Степановича во многом сбылись. Россия пережила период позорного бегства из восточной Европы, обнищания её вооруженных защитников, когда все вопросы в воинских коллективах сводились лишь к одному: будут ли в этом месяце выплаты денежного содержания или нет. Когда даже в приказах министра обороны появился термин «коммерциализация военно-служебных отношений». Когда быть военным становилось, мягко говоря, не популярно. Многое случилось с тех пор. Ушли из жизни многие участники как больших политических событий в стране, так и многие из тех, кто чествовал Филиппа Степановича в тот вечер. Сам он скончался в 2007 году. Но его рассказ о нравственном и жизненном выборе остался в памяти многих надолго.

Рассказ другого начальника – Вязникова Юрия Семёновича – можно считать типичным для мирных пятидесятых-шестидесятых годов прошлого века. Как рождались и росли мо-

лодые лейтенанты, в повседневных буднях – об этом сказано и написано достаточно много. Судьба лейтенанта Вязникова определилась, когда после окончания Полтавского зенитного артиллерийского училища он попросился в воздушно-десантные войска. Там тоже нужны были пэвэошники ¹⁶. И он отправился с молодой женой в тульскую десантную дивизию на должность командира зенитного взвода.

Лейтенант быстро нашел общий язык с подчиненными и старшими товарищами. Хороший спортсмен, грамотный специалист, он легко освоил программу парашютно-десантной подготовки. К концу первого года службы имел уже более десяти прыжков. И поэтому без особого волнения воспринял известие, что на планируемых учениях будет присутствовать командующий ВДВ генерал-лейтенант Маргелов ¹⁷, легендарный «дядя Вася», и что взвод лейтенанта Юрия Вязникова будет демонстрировать показательное десантирование на точность приземления. «Показательное – пусть будет показательное!», – подумал лейтенант и начал готовить личный состав к учениям.

Если прыжки на точность приземления занимают значительное место в программе соревнований по парашютному спорту, то в боевой подготовке они становятся обычным де-

---

¹⁶ Военнослужащие частей и подразделений противовоздушной обороны.

¹⁷ *Василий Филиппович Маргелов* (1908–1990) – советский военачальник, командующий Воздушно-десантными войсками в 1954–1959 и 1961–1979 годах, генерал армии (1967), Герой Советского Союза (1944), лауреат Государственной премии СССР (1975), кандидат военных наук.

лом, делом профессионализма. Вязников уже успел усвоить, что в точности приземления, в первую очередь, имеет значение мастерство десантника, которое складывается из умения учитывать метеорологические условия и подчинять своей воле парашют. И, конечно же, высокого мастерства не может быть без хорошей морально-психологической подготовки. Его бойцы были подготовлены хорошо, и в них он был уверен.

Поэтому он был крайне удивлен и психологически подавлен, когда на его глазах «просвистел» и разбился рядовой Говоруха. До этого он вообще не видел разбившихся при прыжках воинов, только слышал о «мокром месте», остающимся на месте падения. Теперь же мог убедиться, что никаких мокрых мест нет, а есть солдат в обмундировании и экипировке, только весь изломанный и выглядевший, как кожаный мешок с костями.

– Кто командир взвода? – спросил генерал Маргелов, сразу же подъехав на своём «газике» к месту падения.

– Лейтенант Вязников! – представился командир взвода и сделал шаг вперёд.

– Командир полка! Готовьте материалы расследования для передачи в военный трибунал. – Это было сказано уже не Вязникову, который стоял потрясенный и готовый принять любое наказание за гибель подчиненного, ещё недавно стоявшего в строю и слушавшего последние слова наставления командира взвода.

Внезапно его осенила смелая – не от отчаяния, а из протеста, – мысль:

– Товарищ командующий! Разрешите повторить прыжок на парашюте разбившегося бойца.

Генерал, прошедший всю войну с ополченцами, десанниками и штрафниками, любил всё отчаянное и неординарное. Сам много чудил, экспериментировал. За Днепр получил звание Героя. И сейчас он внимательно посмотрел на сухопарого парнишку в лейтенантских погонах и вспомнил, как в финскую войну, в начале 1940 года, во время одного из отчаянных рейдов взял в плен офицеров шведского Генерального штаба. Тогда не все начальники одобрили его действия. Здесь он почувствовал родственную душу:

– Давай, лейтенант, пробуй!

Вязников обтер носовым платком лямки парашюта Говорухи от крови и направился к самолёту. Правда, перед посадкой кто-то из товарищей бросил в салон самолёта его «запаску», на всякий случай. Такого случая не понадобилось. Во время свободного падения он с большим усилием справился с вытяжным кольцом и парашют раскрылся. Нужно было приложить больше усилий, чтобы добиться результата. У Говорухи это не получилось.

Стоявший у места приземления, Маргелов с уважением посмотрел на лейтенанта, а командиру полка сказал:

– Будем считать происшедшее несчастным случаем. Боец сам виноват: растерялся и не справился с ситуацией. Коман-

диру взвода своим решением объявите взыскание за слабую морально-психологическую подготовку личного состава. А то с моим взысканием ему придётся долго ходить...

Находившиеся в свите командующего политработники и журналисты обступили Вязникова. Начались уточняющие вопросы по биографии, службе, семейному положению. Лейтенант стоял опустошенный, и не на все вопросы находил ответы. Слишком много пришлось пережить за этот ещё не закончившийся день, а тут какие-то вопросы.

Через месяц начальник политотдела дивизии предложил командиру взвода подумать и возглавить комсомольскую организацию парашютно-десантного полка. Так он стал политработником. И, будучи им, он совершал прыжки, попадал в сложные боевые и метеоусловия, терял товарищей и подчиненных, но первую потерю помнил всю жизнь. Тогда он на своей шкуре убедился, что командир отвечает не только за укладку парашюта подчиненными, но и за их внутреннюю составляющую – мысли, волю и эмоции.

Об очковтирательстве в армии (Генерал Махов Е. Н.)

Генерал-лейтенант Махов Евгений Николаевич прибыл во Львов, имея за плечами большой опыт работы в высоких штабах. Был он помощником ЧВСа, начальника политуправления сухопутных войск и начальника Главного политуправления СА и ВМФ по комсомольской работе. Потом возглавлял различные политорганы – корпус, армия, округ – и вот в должности начальника политуправления Прикарпатского военного округа он ехал в Дрогобычский гарнизон на отчетно-выборное собрание кадрированного полка. А чтобы ему не было скучно, и чтобы рядом был знающий обстановку человек, он взял с собой молодого инспектора политуправления подполковника Кебича.

Кебича ему представили, как бывшего замполита «придворного» 7-го полка 24-й Железной дивизии, уже хорошо зарекомендовавшего себя в качестве инспектора политуправления. Инспектор был из двухгодичников и, несмотря на это, в службе за короткий срок добился определенных успехов. Образование, полученное им в стенах Львовского госуниверситета, вооружило его способностью видеть армейскую действительность под другим углом. На многие порядки у него всегда было особое мнение, отличное от мнения кадровых офицеров. В его взглядах было больше здра-

вого смысла, и во время «перестройки» майор, а после подполковник, Кебич был замечен командованием.

Был он одно время на комсомольской работе и в машине ЧВСа невольно нашлось много общих тем. Беседа приняла доверительный оборот за час дороги до Дрогобыча. Вальяжно откинувшись на спинку сиденья, генерал вдруг задал риторический вопрос: почему у нас в вооруженных силах не решается вопрос с воинской дисциплиной?

– Да потому, что всё врут, товарищ генерал-лейтенант! – слишком горячо отреагировал на вопрос Кебич.

Махов повернулся всем корпусом к попутчику и удивленно спросил:

– На чем основывается ваше утверждение?

– Исключительно на практике, товарищ генерал-лейтенант! Командир роты или замполит в батальон не докладывает о рваных простынях, заснувшем дневальном по роте и лишние синяках у подчиненных, потому что решить ему проблемы никто не поможет, а шуму не оберёшься! Командир батальона сам будет разбираться с нарушениями УГ и КС или НУВами¹⁸. Командир полка будет докладывать только о тех нарушениях, которые получили огласку в масштабе гарнизона, что стало известно начальству. Да, и мы, в политуправлении, в Москву отправляем недостаточно полную информацию о положении дел. Стараемся как-то приукра-

---

¹⁸ УГиКС – устав гарнизонной и караульной службы; НУВ – неуставные взаимоотношения среди военнослужащих.

сечь, сгладить острые углы. И каждое такое сокрытие можно обосновать юридически и по-человечески понять.

– А вы какое направление курируете как инспектор политуправления, товарищ подполковник? – в голосе начальника почувствовались металлические нотки. Кебич уже пожалел о своей смелости:

– Разведывательные, инженерные части и другие специальные войска.

– Очень ответственное направление. И если ваша оценка соответствует действительности, то положение в этих войсках можно считать тревожным. Я попрошу по приезду в управление подготовить аналитическую справку о том, кто и какие шлёт донесения. Мне нужна объективная картина очковтирательства как социального явления в войсках. – Генерал отвернулся, и в машине повисла гнетущая тишина.

Кебич был подавлен таким поворотом разговора. Через неделю он убывал в Москву к новому месту службы, и порученное задание явно не вписывалось в его планы. Во-первых, оно отвлекало его от сборов. А, во-вторых, невыполнение или плохое его исполнение могло повлиять на сам перевод. Внезапно Кебича осенила мысль:

– Да, что далеко ходить? За время работы отчетно-выборного собрания и вашего участия в нём я смогу подготовить конкретный материал о фактах сокрытия нарушений воинской дисциплины, и даже преступлений, в этом полку.

– Хорошо! Действуйте по своему плану. Потом мне доло-

жите. А я посмотрю, чем живут низовые парторганизации.

По прибытии в полк Кебич попросил замполита полка, которого хорошо знал раньше, представить ему все донесения о политико-моральном состоянии и воинской дисциплине за последние шесть месяцев. А также он потребовал принести журнал регистрации арестованных на гарнизонной гауптвахте, книгу записи пациентов в полковой медицинский пункт и протоколы собраний ротных комсомольских организаций. Через полчаса работы перед проверяющим вырисовывалась не очень благополучная картина в полку, где главным фактом стало массовое сокрытие грубых нарушений воинской дисциплины и даже преступлений.

Город Дрогобыч был его родным городом. Он здесь вырос, здесь доживали свой век его родители. Замполит полка мог выполнять его мелкие просьбы или поручения: передать привет родным, оповестить, подвезти к вокзалу. Инспектор хорошо знал командира дивизии и начальника политотдела. Потом, у него были хорошие отношения с инспектором политуправления, который курировал этот полк. И всё это выстраивалось в сложную систему отношений, которой он должен вынести приговор: не то и не так делаем, ребята!

Как пел когда-то Владимир Высоцкий:

Ну, и в церкви всё не так —

Дьяки курят ладан.

Нет, ребята, всё не так,

Всё не так, как надо!

И как докладывать начальнику политуправления ПрикВО¹⁹, этого «блатного» и перспективного округа, где три армии и масса частей, составляющих 2-й эшелон Варшавского договора. Округа, который был трамплином в карьере многих полководцев и простых офицеров. Как Махову докладывать о повсеместном укрывательстве, об очковтирательстве – когда тот хотел услышать этот термин?

Кебич стоял у машины генерала, выстраивая в уме лаконичный, по возможности, не очень мрачный доклад. Он знал, что, если он доведёт реальную картину в гарнизоне, от его доклада враз вряд ли что-то изменится. А конкретные люди могут пострадать.

Махов шел к машине в окружении сопровождавших его офицеров. Видно было, что настроение начальника было приподнятое, собрание ему понравилось. Хорошая организация работы собрания, обсуждение злободневных тем, острая критика и самокритика – всё говорило о здоровой моральной атмосфере в этом коллективе. А здесь его ждёт странный инспектор с докладом о недостатках, которые он наковырял во время работы собрания.

– Ну, что удалось выяснить? Надеюсь, ничего такого сверхкритичного не нашли?

– Так точно! Сверх необычное не обнаружилось. Всё как всегда!

---

¹⁹ Прикарпатский военный округ.

– Я так и знал! Едем домой.

С души подполковника Кебича сняли все камни сомнения и тревоги, и жизнь обозначилась прямым шоссе, как дорога до Львова. А оттуда и до Москвы.

Мингечаур (Генерал Беспалов В. В.)

Владимир Васильевич Беспалов был назначен начальником политотдела ракетной бригады Закавказского военного округа. Это было его очередное повышение по службе и в очередной раз он менял место службы и род войск. За свою многолетнюю службу был он сапером, мотострелком, артиллеристом и всегда добивался хороших результатов в службе, независимо от принадлежности к тому или иному роду войск. Вот и на этот раз ему предстояло выехать из Кутаиси в гарнизон под Тбилиси и стать ракетчиком.

Сборы и выезд, как часто бывает у военных, были настолько стремительны, что он не успел ни попрощаться толком с бывшими сослуживцами, ни собрать вещи для переезда, ни сменить элементарно форму одежды – с красного на черный цвет околыша фуражки. Сборы контейнера в очередной раз ложились на плечи супруги. Так что, Валентин Константинович, взволнованно-успокоенный, ехал к новому месту службы: позади всё более-менее определёнno, а что там будет впереди, кто его знает?

В новый коллектив Владимир Васильевич влился стремительно, в разгар подготовки к очередной проверке вышестоящего штаба. Где-то за него говорил прошлый авторитет и опыт, где-то он узнавал в новых сослуживцах людей, с которыми раньше приходилось общаться. Но главное – работа

была ему знакома, любима и требовала полной отдачи моральных и физических сил. Но на износ работать новому начальнику политотдела не пришлось.

Дело в том, что благодаря сложившимся традициям, установленному и поддерживаемому годами распорядку службы, офицеры работали в определённые для этого часы и активно отдыхали после службы. Заслугой такого порядка была мудрая деятельность командиров, руководивших частью последние десять лет. Результаты такой деятельности проявлялись в боевой и политической подготовке, в спортивных соревнованиях, смотрах художественной самодеятельности и других делах, говоривших о здоровом моральном климате в коллективе.

Нынешний командир был заядлый рыбак и всех офицеров части стремился приобщить к этому делу. «Если пьянку нельзя предотвратить, её нужно возглавить», – всегда шутил он, хотя на рыбалке спиртным люди баловались редко. Главное – в этом процессе командир видел возможность сплотить коллектив, организовать досуг подчинённых, а заодно изучить их личностные качества. В общем, все были при деле и на глазах у Бати. Как в хорошей многодетной семье.

Владимиру Васильевичу такие порядки пришлись по душе, хотя к рыбалке он всегда был равнодушен. «Рыбу и грибы люблю на столе, а не в лесу и водоёме», – таково было его кредо. Но против коллектива не пойдешь, тем более что сам отвечаешь за его моральное состояние и сам этот кол-

лектив знаешь ещё недостаточно. Так, что о своих уставах и каких-то чужих монастырях говорить не приходилось.

В субботу или воскресенье всегда готовился организованный выезд на рыбалку на Мингечаурское водохранилище, находившееся в нескольких километрах. Заранее утверждался состав команды, определялись ответственные и дежурные по подразделениям и службам, чтобы ничто не могло нарушить выполнение основной задачи бригады. Рыбалка рыбалкой, а на «хозяйстве» всё должно быть в полной боевой.

Через несколько дней после вступления в должность Владимир Васильевич был предупрежден, что в субботу будет выезд на рыбалку в составе комбрига и заместителей. На хозяйстве оставался «чистый» зам.

– Там и представитесь управлению бригады, – улыбнулся командир.

«Не в первый раз замужем», – подумал Владимир Васильевич и стал прикидывать в уме, что захватить с собою в его дебютную поездку. Снасти ему были обещаны. Оставалось подумать о напитках и закусках, а заодно прихватить интересную книжку. Ведь впервые за многие месяцы предоставлялась такая возможность совместить приятное с полезным: природа, водоем, загар, чтение литературы, сон в тенёчке. О рыбалке он даже и не думал.

Когда приехали на место, всеми овладел привычный рыбацкий азарт. Все стали спешно готовить снасти, наживку.

Оговаривались любимые и удачливые места. «А вам где будет удобно, Владимир Васильевич?» – спросил зампотех и сразу же предложил где-то место по соседству. «Не надо беспокоиться, я здесь неподалёку пристроюсь», – вежливо отказался начальник политотдела. Его новые товарищи так спешно разбежались, что он и не заметил, кто в какую сторону.

Взяв с собою удочку, банку с червями, раскладной стульчик и томик Паустовского, Владимир Васильевич побрёл прибрежной тропинкой, выбирая уютное тенистое место у водохранилища. Здесь он планировал, имитируя рыбалку, разбросать снасти и просто предаться отдыху, почитать, позагорать.

Пройдя метров сто от машины, он заметил в кустах замаскированный мотоцикл с коляской. Бегло осмотрев мотоцикл, Владимир Васильевич обнаружил на дне коляски много рыбной чешуи, достаточно свежей, и решил дальше не идти.

Владимир Васильевич разделся по пояс, оставаясь в синих галифе. Сапоги он снял, а на голове оставил свою красную фуражку, чтобы не напекло макушку и затылок. Удочка была пристроена у ближайшего дерева, а сам рыбак уселся на стульчике, на солнцепёке, и принялся читать любимого автора. Творчество Паустовского он знал хорошо и часто обращался к слогу писателя: его романтической настроенности, точности формулировок; доброжелательному описанию всего того, на что был направлен взгляд автора.

Владимиру Васильевичу больше всего нравилось перечитывать «Повесть о жизни» Паустовского. Хотя он знал, что первое из произведений русского писателя, понравившееся знаменитой немецкой актрисе Марлен Дитрих, называлось «Телеграмма». И что эти два великих мастера смогли встретиться в России. Потом он прочитает, что сама Дитрих вспоминала об этой встрече в автобиографической книге «Размышления»: «Я была так потрясена его присутствием, что, будучи не в состоянии вымолвить по-русски ни слова, не нашла иного способа высказать ему своё восхищение, кроме как опуститься перед ним на колени... У меня остались его книги и воспоминания о нём. Он писал романтично, но просто, без прикрас. Я не уверена, что он известен в Америке, но однажды его “откроют”... Он – лучший из тех русских писателей, кого я знаю. Я встретила его слишком поздно».

Так вот, в этот раз появилась редкая возможность окунуться в размышления Паустовского о жизни. Стояла уютная тишина, нарушаемая лишь звуками насекомых и всплесками воды. Читалось, как всегда, легко и перечитываемый текст гармонично сочетался с природой, окружавшей Владимира Васильевича.

Спустя некоторое время, он услышал звук хлюпающих по воде вёсел и увидел приближающуюся к берегу лодку, почти доверху наполненную рыбой. «Этот “бракоша” сослужит мне добрую службу», – смекнул начпо, откладывая книгу в сторону и спешно натягивая сапоги. Таким образом, он стал

почти похож на милиционера, разве что без рубашки с погонами.

Когда браконьер причалил к берегу и стал привязывать лодку к ближайшему дереву, перед ним вырос человек, в чьём статусе сомневаться ему даже в голову не пришло.

– Попрошу документы, удостоверяющие личность, а также документы на вылов рыбы, – строго потребовал Владимир Васильевич.

– Гражданин начальник, гражданин начальник, первый раз, первый раз, жена, дети, все болеют, – залепетал незнакомец на ломанном русском языке.

– Какой первый? Какие дети? Видел я твой арестованный мотоцикл.

– Как арестован? Почему арестован, начальник? – рыбак был не на шутку испуган.

– Потому и арестовано транспортное средство, что оно является одним из орудий совершения правонарушения, – слова Владимира Васильевича были настолько убедительны, что будь рядом действительный работник правоохранительных органов, он несколько бы не засомневался в его компетенции.

Браконьер – а правовой статус незадачливого лодочника был очевиден – сник совсем. Это был мужчина средних лет. Из местных, по-видимому, азербайджанец. Он снова залепетал о своей тяжелой доле, путая русские и азербайджанские слова и прося прощения.

– Ладно, – великодушно произнес добровольный страж порядка, – коль ты говоришь, что семья болеет, я тебя прощаю в первый и в последний раз. И отпускаю. В следующий раз будешь нести ответственность согласно закону, – настаивательно сказал Владимир Васильевич, подсчитывая в уме число участников сегодняшней выездки. – Но ты сейчас отберёшь по шесть самых крупных рыбин, подберёшь шесть куканов²⁰ и на каждый кукан нанижешь по шесть рыбин. Ты понял? Шесть куканов по шесть рыбин!

– Понял, понял, начальник. Зделим, – засуетился браконьер.

Через полчаса Владимир Васильевич снова уютно устроился на стульчике. Рыба на куканах была привязана у берега, некоторая ещё била хвостами. Браконьер с остатками улова счастливо уплыл в неизвестном направлении.

В назначенный срок рыбаки собрались у машины. Все стали хвастаться своей добычей, которая составила в общей массе несколько десяти- двадцатисантиметровых карасей, да с десятков плотвичек. Больше говорили об упущенных возможностях: как клевало, какая громадина соскочила с крючка, как кто-то чего-то неудачно подсек. Валентин Константинович в обсуждении итогов рыбалки участия не принимал. И когда его спросили об улове, он предложил пройти к своему месту и скромно сказал, что рыбу он заготовил для всех участников рыбалки.

---

²⁰ Кука́н – приспособление для сохранения и переноса выловленной рыбы.

Что тут началось? Все поздравляли Владимира Васильевича. Спрашивали, на что и где он ловил. Сразу кинулись забрасывать свои снасти в ближайшей округе, но ничего не поймали. В машине большую часть времени ехали молча. Посрамленные ветераны подозрительно косились на вновь прибывшего «комиссара».

Ещё неделю держал свой секрет Владимир Васильевич, принимал поздравления и отбивался от назойливых вопросов. И лишь на представлении офицерам управления, с крещением в ракетчики (первое, на природе, по известным причинам не состоялось), он раскрыл свою тайну, чем вызвал у сослуживцев бурю эмоций. В итоге уважения Владимир Васильевич приобрел больше, чем разочарований. Однако многие стали осторожно относиться к своему хитро-мудрому руководителю: мало ли какую шутку он ещё выкинет?

«Служба – два года, боеготовность – всегда!» (Генерал Безбородов Н. М.)

Всегда спокойный командир отдельного передового и орденосного вертолётного полка Краснов внезапно запаниковал: спнш ²¹ ему доложил, что в этот весенний призыв увольнению подлежит 50 процентов военнослужащих срочной службы. Одно дело, замена будет большая, но она растянется по времени, с апреля по июнь, и можно как-то всё отрегулировать. Другое дело, послезавтра ожидается подписание приказа министра обороны об очередном призыве на военную службу и полк может быть выведен из строя на несколько дней. Наверняка «деды» устроят какие-то ритуальные игры, но, возможно, и организуют коллективную пьянку. А впереди – подготовка к весенней проверке, ежедневные полёты, где без технического персонала никак не обойтись.

Подписание приказа министра обороны – это всегда ожидаемое событие. К нему готовятся все: старослужащие отмечают каждый прожитый день, подключают к этим ритуалам молодых воинов, командование заранее проводит профилактическую работу со всеми категориями личного состава. Казалось бы, всё это дело привычное. Ну, подумаешь, один-два разгильдяя напьются на радостях, их показательно накажут,

---

²¹ Старший помощник начальника штаба полка.

и служба пойдёт своим чередом. Но в этот раз будут готовы отмечать долгожданное событие около четырёхсот человек, и трудно предположить, во что могут вылиться эти празднества.

– Пригласите мне начальника политотдела, – сказал командир полка дежурному.

– Что будем делать, Николай Максимович? Вы в курсе, накануне каких событий мы с вами оказываемся? – встретил своего заместителя вопросами встревоженный командир.

Николай Максимович Безбородов ²² уже четвертый год тянул лямку в этом таёжном гарнизоне и особенности службы, её цикличность, её проблемы хорошо знал. Командир тоже был не новичок в должности, но в этом полку служил только полгода.

– Предлагаю упредить противника в развёртывании, Виктор Сергеевич!

– Как это? Что вы имеете в виду?

– Я предлагаю выбить основание у хулиганствующих элементов тем, что мы организуем торжественные проводы увольняемым в запас. И проведём это мероприятие накануне принятия приказа министра обороны, завтра. Вам следует договориться с командиром соседнего мотострелкового пол-

---

²² *Николай Максимович Безбородов* (род. 12 февраля 1944 г.) – российский военный и политический деятель, депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации 1–4 созывов. Кандидат исторических наук, генерал-майор авиации, военный лётчик 1-го класса. Начальник Курганского ВВ-ПАУ (1989–1993).

ка насчет клуба: у них вместимость больше нашего, а организацию я беру на себя. Ещё нужно распорядиться о выделении денежных средств для поощрения увольняемых. Грамоты, ценные подарки и каждому по памятной значку нашего Дальневосточного округа.

– А успеем, Николай Максимович? Да, и лишних денег в полку на такое мероприятие нет.

– Успеем, Виктор Сергеевич. И не такие дела заваливали! Шучу, конечно... Деньги найдём.

Сразу же был объявлен сбор всем офицерам полка. Командирам подразделений была поставлена задача: представить списки личного состава для поощрения, переодеть увольняемых в парадную форму одежды и обеспечить сто процентов на торжественный утренник. К лётному составу обратился начальник политического отдела, летающий лётчик и стоящий на довольствии, как и все, в лётной столовой:

– Товарищи офицеры! Я знаю, что многие из вас не ужинают по вечерам в лётной столовой, чтобы держать в тонусе своих боевых подруг и не отвыкнуть от домашней пищи. За этот неиспользованный ужин вам выплачивается денежная компенсация раз в месяц. В связи с проведением завтрашнего мероприятия я прошу вас дать согласие на то, чтобы денежная сумма, причитающаяся вам за два ужина, была перечислена на закупки призов, подарков и грамот. Дело это добровольное и бывает не так часто, а у нас – так вообще впервые. Потеряете вы немного, зато сделаете доброе дело.

Лётчики живо откликнулись на призыв своего «комиссара» и даже ощутили гордость за то, что лично приобщились к принятию совместного решения. Срочно была организована закупка всего необходимого. Подготовлен клуб в соседней части, заказан гарнизонный оркестр. Николай Максимович через своих политотдельцев подготовил выступающих из числа увольняемых и остающихся служить молодых воинов. Из местной школы должны были организовать приветствие увольняемых пионерами и комсомольцами.

Наутро, после торжественного построения полка личный состав строем, с песнями маршировал в соседнюю часть на праздничное мероприятие. Те солдаты, что служили в мотострелковом полку, дивились, откуда вдруг у них появилось так много нарядных «летунов» и по какому поводу идут торжества. Но вертолётчики, наглаженные и блестящие, не обращали внимания на «пехоту».

Пять первых рядов в зале были отведены старослужащим воинам. В президиуме собрания располагалось командование полка, все старшины рот и эскадрилий, командиры подразделений. Под звуки оркестра все встали при торжественном вносе знамени прославленного полка. Между рядов заняли свои места комсомольцы и пионеры в красных галстуках. От имени школьников выступила бойкая первоклассница, которая благодарила отслуживших солдат за то, что своей ратной службой они обеспечили всем детям достойные условия для учебы и отдыха. «Спасибо вам за службу! Мы

всегда будем помнить вас!», – с этими словами девочка сошла со сцены. Некоторые присутствующие начали доставать носовые платки и протирать глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.